

ВИТАЛИЙ ПЕНСКОЙ

«ЯНЫЧАРЫ» ИВАНА ГРОЗНОГО

**СТРЕЛЕЦКОЕ ВОЙСКО
ВО 2-Й ПОЛОВИНЕ XVI – НАЧАЛЕ XVII В.**

Лучшие войны в истории

Виталий Пенской

**«Янычары» Ивана Грозного.
Стрелецкое войско во 2-й
половине XVI – начале XVII в.**

«Яуза»

2019

УДК 94(47)"15/16"

ББК 63.3(2)45

Пенской В. В.

«Янычары» Ивана Грозного. Стрелецкое войско во 2-й половине XVI – начале XVII в. / В. В. Пенской — «Яуза», 2019 — (Лучшие воины в истории)

ISBN 978-5-04-101302-8

На протяжении более чем полутора столетий, с середины XVI в. и вплоть до самого окончания правления Петра Великого, неотъемлемой частью русского войска были стрельцы. Они стали первой русской пехотой, полностью оснащенной огнестрельным оружием и которую можно назвать постоянной и в известном смысле регулярной (с поправкой на реалии эпохи). Созданное в 1550 г., во время т. н. «реформ Ивана Грозного», стрелецкое войско прошло боевое крещение в самой известной военной кампании первого русского царя – взятии Казани осенью 1552 г. Зарекомендовав себя с самой лучшей стороны во время казанской эпопеи, «выборные» «огненные стрельцы» прочно заняли свое место в структуре государевых ратей. Ни один мало-мальски крупный поход и военное предприятие эпохи Ивана Грозного и его преемников не обходились без участия стрельцов, московских и городовых. Взятие Астрахани, противостояние с крымским ханом, война в Ливонии с литовцами, поляками и шведами, Полоцкая и Баториева войны, походы на Северный Кавказ, бесчисленные бои и стычки времен Смутного времени с иностранными интервентами и русскими «ворами» – боевая летопись стрелецкого войска до предела насыщена событиями. В исследовании одного из ведущих специалистов по русской военной истории раннего Нового времени в подробностях воссоздается история стрелецкого войска на первом этапе его истории – с момента создания до окончания Смутного времени и первых лет царствования царя Михаила Федоровича. Вооружение и тактика стрельцов, их организация и командная иерархия, стрелецкая «повседневность» в дни войны и мира, набор и обучение стрельцов, государево жалованье и многое, многое другое – все, что сохранилось до

наших дней в немногочисленных документах и других свидетельствах эпохи,
подробно рассмотрено в этой книге.

УДК 94(47)"15/16"

ББК 63.3(2)45

ISBN 978-5-04-101302-8

© Пенской В. В., 2019

© Яуза, 2019

Содержание

От автора	7
Введение	14
Историография проблемы	15
Источники	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Виталий Пенской
«Янычары» Ивана Грозного:
стрелецкое войско во 2-й
половине XVI – начале XVII в.

Рецензенты:

д. и.н., проф., зав. кафедрой политической истории Воронежского государственного университета *В.Н. Глазьев*

к. и.н., руководитель группы научно-методических разработок ФГБУ «Государственный комплекс «Дворец конгрессов» Управления делами Президента РФЛ.Я. *Лобин*

От автора

Московские стрельцы. Кто не слышал о них? Эти суровые бородатые мужики в клюквенно-красных кафтанах и шапках, в красных же сапогах с загнутыми носками, с тяжелой пищалью и перевязью-берендейкой через плечо, саблей на боку и внушающим почтение и невольное уважение своими размерами бердышом в руке давно уже стали своего рода «брендом» старой допетровской Руси и русского войска той эпохи. Образ стрельца запечатлен во множестве художественных полотен, в книгах и кинофильмах и прочно вошел в общественное сознание.

Однако для тех, кто так или иначе более или менее глубоко погружен в русскую военную историю раннего Нового времени и в историю русского военного дела той эпохи (а военная история и история военного дела не совсем одно и то же, это не синонимы, а скорее, взаимодополняющие понятия), нет сомнений в том, что этот хрестоматийный образ московского стрельца относится к последней трети XVII в., к последним годам правления «тишайшего» царя Алексея Михайловича и его сына Федора, к временам 13-летней войны с поляками за Украину и первой настоящей русско-турецкой войны из-за все той же Украины. Таким его, московского стрельца, видели в те времена иностранные дипломаты на торжественных встречах-«стойках» и во время торжественных же царских выездов, таким его они описали в своих записках и мемуарах и зарисовали. С тех пор «классический» московский стрелец и начал свое путешествие по страницам книг и экранам кинотеатров и телевизоров (а сейчас и компьютеров). Но ведь не секрет, что к тому времени, когда сформировался тот образ, московским стрельцам было уже больше сотни лет, и хотя стрелец времен Алексея Михайловича и не отличался настолько от своих предтеч времен Ивана Грозного, как петровский фузилер от мушкетера времен Отечественной войны 1812 г., тем не менее отличия были, и порой весьма существенные.

Увы, к превеликому нашему сожалению, сегодня мы не можем **в точности** (выделено нами. – В.П.) восстановить облик московского стрельца в первые десятилетия существования стрелецкого войска. Московские архивы XVI в., и архив Стрелецкого приказа в том числе, сильно пострадали в бурных событиях начала XVII в., вошедших в историю под названием «Смутное время», да и регулярные московские пожары не лучшим образом отразились на судьбе многочисленных документов, запечатлевших в себе основные вехи исторического пути, пройденного стрелецкой пехотой в те первые три четверти века ее существования. Тем не менее в нашем распоряжении есть необходимый минимум материалов – сохранившихся буквально чудом актов, разрядных записей, летописных свидетельств и, конечно же, рассказов современников о том, что представляли собой московские стрельцы в те стародавние времена – как они выглядели, чем были вооружены, какое получали содержание и многое другое. Одним словом, стоит попытаться реконструировать, проведя своего рода исторический розыск, используя в комплексе, системно, имеющиеся в нашем распоряжении материалы для того, чтобы представить перед читателями достаточно правдоподобный образ стрельца времен Ивана Грозного и его ближайших преемников. И эта попытка будет авторским вариантом ответа на извечный вопрос, который издавна стоит перед историками – «как оно было на самом деле» («Wie es eigentlich gewesen» – фраза, принадлежащая патриарху германской исторической мысли Л. фон Ранке).

Результаты этого разыскания позволят дать ответ на вопрос (перефразируя известное выражение) – «откуда есть пошло стрелецкое войско, кто на Москве стали первыми стрельцами и откуда стрелецкое войско стало быть». Само собой, в ходе этого розыска непременно найдутся ответы и на другие, не менее важные, вопросы – например, кого можно считать предшественниками стрельцов (кстати говоря, этот вопрос вызвал в 50-х гг. минувшего столетия

нешуточную дискуссию), для чего и зачем был создан корпус стрелецкой пехоты, из каких слоев русского общества и каким образом рекрутировались стрельцы, как было устроено стрелецкое войско, как оно управлялось и как билось «огненным боем» и «ручным сечением» на полях сражений многочисленных войн, которые вело Русское государство во 2-й половине XVI – начале XVII в., каким было его содержание и...

Одним словом, в ходе предпринятого нами исторического разыскания придется ответить на целый ряд вопросов, так или иначе касающихся не только «истории битв и сражений», но и истории «военной повседневности» русских стрельцов. Конечная же цель нашей работы состоит в том, чтобы закрыть (хотя бы частично) лауну в наших познаниях об этой странице истории Русского государства и общества, ибо, как будет показано дальше, несмотря на то, что стрельцы сыграли важную роль в истории России той давней эпохи, обобщающей работы о них не было и нет по сей день.

Сама по себе история московских стрельцов (понимая под этим термином не столько их местопребывание, сколько распространенное наименование периода в русской истории – эпохи Московской Руси) интересовала нас давно, еще со студенческой скамьи. Правда, на первых порах мы сполна отдали дань негативным историческим и литературным стереотипам, которые сложились вокруг стрельцов в конце XVII – начале XVIII в. и были закреплены в последующие столетия. Однако в начале 2000-х гг. постепенно произошла переоценка их места и роли в русской военной истории и истории русского военного дела, и связана эта переоценка была, во-первых, с основательным и глубоким знакомством с источниками (летописями, актовными материалами, разрядными записями и пр.), а не с их интерпретациями, а во-вторых, с совершенствованием рабочего инструментария, методов, посредством которых проводится историческое исследование, созданием нового «вопросника», с которым заново, не полагаясь на мнения авторитетов, пришлось подступаться к пожелтевшим от старости текстам. Новый образ стрельца и стрелецкого войска, который сформировался в результате более чем полутора десятилетних изысканий в этой области, существенно (а в некоторых вопросах – радикально) отличался от привычных стереотипов, став частью новой картины истории русского военного дела раннего Нового времени, картины вполне узнаваемой, но вместе с тем в важнейших деталях существенно отличавшейся от традиционной.

Создание в середине XVI столетия корпуса стрелецкой пехоты стало закономерным результатом включения Русского государства в процессы, связанные с усовершенствованием и широким распространением огнестрельного оружия в Евразии в эпоху позднего

Средневековья – раннего Нового времени. С легкой руки британского историка М. Робертса эти процессы получили в историографии 2-й половины минувшего столетия название военной (иногда к этому определению делают уточнение – «пороховой», поскольку в историческом сообществе в 60 – 70-х гг. говорили о нескольких военных революциях, например, о «гоплитской», раннесредневековой, которая привела к появлению рыцарства, и др.) революции (о ней и ее особенностях подробнее будет сказано дальше). И пускай эта оригинальная концепция сегодня выглядит уже не столь убедительно, как в 50-х-60-х гг. минувшего столетия, а ее позиции подорваны критикой со стороны «эволюционистов» (которые отрицают саму идею военной революции в эпоху раннего Нового времени, отстаивая тезис о постепенной, эволюционной по своей сути трансформации средневекового военного дела в раннемодерное). Никто – ни сторонники М. Робертса и его последователей, ни их оппоненты (истина лежит где-то посредине, и в каких-то вопросах правы сторонники революции, а в каких-то – «эволюционисты») не оспаривают того очевидного факта, что внедрение в повседневную военную практику огнестрельного оружия, сперва тяжелого (артиллерия), а затем и легкого (ручное огнестрельное оружие разных систем и конструкций), имело далеко идущие последствия и в военной сфере, и в других. Изобретение и повсеместное внедрение огнестрельного оружия обусловило рождение новой тактики, постепенно изменило стратегию и «лицо битвы», способ-

ствовало превращению военного дела из ремесла в науку, и науку сложную. И самое важное – непреложным стало то обстоятельство, что тот, кто располагал необходимым набором огнестрельного оружия, не говоря уже о кадрах, способных его производить и применять на поле боя, имел неоспоримые преимущества над теми, у кого не было ни того ни другого. Отныне грубая физическая сила и количественное превосходство перестали играть доминирующую роль на полях сражений. Качество победило (не сразу, конечно, со временем) количество.

Если мы посмотрим на историю стрельцов 2-й половины XVI – начала XVII в. под этим углом зрения, то можно с уверенностью сказать, что для Русского государства создание корпуса стрелцкой пехоты (наряду с формированием артиллерийского «наряда» и налаживанием массового выпуска огнестрельного оружия и боеприпасов к нему) также стало важным этапом на пути превращения его в полноценную «пороховую империю». ¹ Несколько подзадержавшись на старте, во 2-й половине XV в. (и в особенности в последней его четверти), при Иване III, Русское государство набрало приличные темпы в деле совершенствования своей военной силы и приведения ее в соответствие с новейшими требованиями военного дела и впредь старалось не отставать от конкурентов в этом вопросе. Возможно, объяснение этому явлению кроется, с одной стороны, в том, что Русскому государству приходилось вести практически непрерывные войны и, соответственно, вносить необходимые коррективы в генеральное направление развития и улучшения с учетом накопленного опыта и последних новинок в военном деле собственной военной машины. С другой стороны, опыт этих многочисленных войн наглядно показывал, чем чревато малейшее отставание в военном деле, и правящая элита Русского государства, осознавая это, стремилась не допустить повторения печальных событий прошлого.

Вместе с тем, анализируя особенности развития русской военной машины эпохи раннего Нового времени, нетрудно при более или менее внимательном и непредвзятом ознакомлении с имеющимися в нашем распоряжении материалами заметить, что перенимание зарубежного опыта военного строительства в Москве производилось весьма выборочно, с учетом местных реалий и возможностей (весьма, кстати сказать, невеликих). Речь ни в коем случае не шла о прямом копировании тех или иных инноваций в столь важной сфере жизни государства и общества, но о применении заложенных в эти инновации принципов и к конкретным условиям, в которых приходилось действовать русским ратям, и к имевшимся в распоряжении властей возможностям, финансовым, материальным и людским, которые позволяли адекватно отвечать на вызовы времени.

Почему так получилось? Ответ надо искать в плоскости, которая на первый взгляд может показаться весьма далекой от военного дела. Не секрет, что раннемодерное Русское государство нельзя назвать ни богатым, ни процветающим – сама природа, само географическое положение России в те времена налагали серьезные ограничения на развитие ее экономики, носившей ярко выраженный аграрный и вместе с тем довольно примитивный, архаический характер. Россия раннего Нового времени – это не раннесредневековая Русь-Гардарика, а деревенская страна с редким, рассеянным на больших просторах населением, немногочисленными городами, большая часть из которых мало чем отличалась от сел. И вдобавок ко всему сама природа, по образному выражению С.М. Соловьева², была для русских скорее мачехой, нежели доброй матерью. Как следствие, то, что могли позволить себе монархи Западной Европы раннего Нового времени, московские великие князья и государи, крайне стесненные в средствах, позволить себе не могли. Приходилось, по одежке протягивая ножки, искать альтернативные пути выхода из создавшейся ситуации, и в целом, надо признать, это неплохо у них получалось. Достаточно сравнить территорию Русского государства в 1462 г., когда Иван III принял бразды правления из рук умирающего отца, и в 1605 г., накануне Смуты – территориальный

¹ Kennedy P. The Rise and Fall of Great Powers. Economic Change and Military conflict from 1500 to 2000. N.-Y., 1987. P. 15.

² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 13 // Соловьев С.М. Сочинения. Кн. VII. М., 1991. С. 8.

рост налицо, и рост весьма и весьма значительный. Добиться же такого успеха, имея в руках негодное оружие, в те времена было невозможно – следовательно, военная машина Русского государства 2-й половины XV – начала XVII в. была достаточно эффективна и адекватна имеющимся силам и средствам. Эту же адекватность невозможно было обеспечить без рационального, вдумчивого, отнюдь не поспешного освоения передового на тот момент военного опыта, теории и практики, причем заимствуемых (естественно, с последующей адаптацией к местным условиям и реалиям) равно как на Западе, так и на Востоке Стрелецкое войско, появившееся в середине XVI в., представляло собой один из наиболее ярких примеров такого рационального подхода к перениманию инноваций в военном деле. В том, что в Москве внимательно изучали вопросы, связанные с военным строительством в соседних государствах, сомневаться не приходится, равно как и то, что из полученного опыта делались соответствующие выводы. Московские «стратилаты»-«воинники», имея перед глазами широкий спектр возможных вариантов действий (условно говоря, модель западноевропейскую, модель восточноевропейскую и модель османскую) и весьма богатый собственный опыт использования пехоты, вооруженной огнестрельным оружием, выбрали из них те принципы, те идеи, что в наибольшей степени подходили к местным условиям. Можно, конечно, сказать, апеллируя к чисто внешним признакам, что стрельцы – это своего рода русский аналог османских янычар, однако при более пристальном взгляде между янычарами и стрельцами есть глубокие внутренние различия. Точно так же стрелецкая пехота мало походит на восточноевропейских жолнеров, не говоря уже о западноевропейских ландскнехтах. Московские стрельцы «классического» периода в истории развития русского военного дела (а под «классическим» мы понимаем временной промежуток с середины XV по начало XVII в.) – самобытное явление, имеющее долгую, более чем полувековую (по крайней мере, так следует из сохранившихся источников) предысторию. При этом они тем не менее испытали влияние с самых разных сторон, и сегодня сложно сказать, какое из них было доминирующим. Забегая вперед, отметим, что весьма распространенное мнение о том, что в Москве при создании стрельцов руководствовались османской традицией и стрельцы – это пересадка на русскую почву идеи янычар, «нового войска», все же не соответствует действительности. Слишком много различий между стрельцами и янычарами.

Эта самобытность и рационализм, прагматичность, проявленные в деле перенимания зарубежного опыта военного строительства, в немалой степени стали залогом успешной карьеры и стремительного развития корпуса стрелецкой пехоты. Появившись на свет как отборные, элитные части пехоты (своего рода «лейб-гвардия», телохранители царской особы), вооруженной исключительно ручным огнестрельным оружием (холодное и древковое оружие никогда не играло в стрелецкой «паноплии» доминирующей роли – это же, кстати, относится и к непосредственным предшественникам стрельцов пищальникам), первые стрельцы прошли успешную проверку боем в ходе 3-й Казани в 1552 г. В последовавших затем военных конфликтах в 50-х – начале 60-х гг. XVI в. (впору даже вести речь о своего рода «дипломатии стрельцов», особенно когда речь заходит о взаимоотношениях Москвы с татарскими юртами, возникшими на месте распавшейся Золотой Орды, – той же Казанью или Астраханью) они подтвердили свою отменную репутацию, завоеванную под стенами и валами Казани. Вполне удовлетворенные высокими боевыми качествами и эффективностью стрельцов, московские военные практики и теоретики в последующие десятилетия продолжили наращивать численность стрелецкой пехоты, при этом отделив отборные части московских стрельцов от стрельцов городских.

Это разделение позволило быстро нарастить численность стрельцов, которые, хотя и уступали основе русского войска той эпохи, конной поместной милиции, тем не менее к концу XVI в. стали играть весьма существенную роль в походах и боях. Ни один мало-мальски значимый поход государевых ратей не обходился без стрельцов, не говоря уже об оборонах или осадах крепостей и городов. Этому способствовали и отработанная тактика применения стрель-

цов на поле боя, и значительное внимание, которое отводилось решению вопросов, связанных с поддержанием боеспособности стрельцов на должном уровне. Так, в ходе войн 50 – 70-х гг. XVI в. вырабатывается практика временной придачи стрельцким приказам легкой артиллерии, а с конца XVI в. начался процесс их перевооружения со старых ручниц с ударно-фитильными замками на самопалы – ружья с ударно-кремневыми замками. Параллельно шли и эксперименты с довооружением стрельцов холодным и древковым оружием, особенно интенсивно проводившиеся в годы Смуты.

Ценность стрельцов тем более возрастала, если принять во внимание такой важный параметр оценки, как соотношение затрат на содержание и боевой эффективности. Рост числа поместной конной милиции во 2-й половине XVI в. сопровождался столь же стабильным падением ее боеспособности, и стрелецкое войско, в особенности отборные московские приказы, выгодно отличалось на этом фоне от детей боярских, прежде всего провинциальных «украинных». К тому же и для несения гарнизонной службы в многочисленных крепостях и острогах, растущих как грибы по периметру границ Русского государства, стрельцы и их удешевленный вариант в лице городских казаков подходили больше, нежели дети боярские.

Вместе с численным ростом стрелецкого войска происходила и одновременная его «социализация», превращение его в отдельный разряд служилого «чина» с параллельной выработкой корпоративного самосознания. Уже «казенные» пищальники в начале своей истории именовали себя «государевыми холопами». Тем самым они подчеркивали свою служилую сущность и отделяли себя от тяглых «чинов, тем более что они, как люди, несущие государеву службу, обладали немалыми податными и юридическими льготами. К стрельцам это относилось в еще большей степени. Впрочем, это и неудивительно, учитывая, что московские власти по меньшей мере с конца 40-х гг. XVI в. взяли курс на более четкое оформление «чиновной» структуры общества и законодательное закрепление результатов этого процесса.

Результатом всех этих мероприятий к началу XVII в. стало окончательное «конституирование» стрелецкого войска как неперемного, неотъемлемого элемента русского войска «классического» периода (под которым мы понимаем время между серединой XV и началом XVII в.). Представить московское войско без стрельцов стало просто невозможно, а сами они обретают более или менее узнаваемый вид (впрочем, заметим, что столь привычные бердыши и берендейки все-таки стали атрибутом вооружения стрельцов позднее, при Алексее Михайловиче, хотя нельзя исключить и того, что первые опыты с переменами в стрелецкой амуниции относились к более ранним временам – к Смоленской войне и после нее). Пройдя через испытания Смуты, стрелецкое войско после него возрождается в буквальном смысле слова как феникс из пепла пока еще на старых основаниях. Новый этап в жизни стрельцов начнется в 30-х гг. XVII в., но это предмет отдельного разговора, так что, если вести речь о временных рамках этой работы, то они охватывают временной промежуток с середины XVI по начало XVII в. и частично – послесмутное время. При этом, исходя из того, что всякому историческому явлению предшествует более или менее длительная предыстория, мы не оставим нашим вниманием предшественников стрельцов – пищальников. Это тем более представляется необходимым, если принять во внимание тот факт, что о них в отечественной исторической литературе сказано не так уж и много. А ведь пищальники, несомненно, заслуживают большего внимания со стороны историков уже хотя бы по той причине, что они представляют собой первый, и достаточно успешный, опыт создания в России пехоты, вооруженной ручным огнестрельным оружием.

Завершая это краткое вступление, несколько слов о самой книге. Сама идея написать некую обобщающую работу о московских стрельцах 2-й половины XVI – начала XVII в. появилась достаточно давно – еще в начале 10-х гг. К этому же времени относятся и первые наброски структуры книги и отдельных сюжетов будущего повествования. В последующие годы постепенно накапливался и осмыслялся фактический материал, отработывалась общая концепция

книги, а вместе с нею – и отдельные ее разделы. Обдумывая структуру будущей книги, мы в конце концов решили воспользоваться формулой, которую вывел американский культуролог С. Хантингтон. Характеризуя военную мощь государства, он отмечал, что она «имеет четыре измерения: количественное – количество людей, оружия, техники и ресурсов; технологическое – эффективность и степень совершенства вооружения и техники; организационное – слаженность, дисциплина, обученность и моральный дух войск, а также эффективность командования и управления; и общественное – способность и желание общества эффективно применять военную силу»³. В чем-то его тезисы перекликаются с мыслью, высказанной французским историком Ф. Контамином. «Предмет (речь идет о средневековой войне и военном деле, однако эти слова вполне приложимы и к предмету нашего исследования. – В.П.) требует рассмотрения с разных сторон, – писал он, – если мы хотим осмыслить его в полном объеме: воинское искусство, вооружение, набор в армию, состав и жизнь армий, моральные и религиозные проблемы войны, связи между феноменом войны и социальной, политической и экономической средой»⁴. Руководствуясь этими соображениями, мы разбили собранный для книги материал на несколько блоков, изменив только их последовательность.

Вся эта подготовительная работа могла бы затянуться надолго, если бы не Н. Аничкин и А. Чаплыгин. Без толчка с их стороны «Янычары» Ивана Грозного» (название выбрано не случайно – с одной стороны, здесь есть явный элемент провокации, а с другой – термин «янычары» в отношении русских служилых людей начала правления Ивана Грозного действительно встречается в летописях и актовых материалах. Так почему бы не использовать его для названия книги?) появились бы на свет не скоро. Дополнительное ускорение работе над рукописью придало сперва обсуждение в Сети тезиса историка С. Нефедова о «турецком» следе в генезисе стрельцов, а потом дискуссия вокруг реконструкции О. Федорова, выполненной на материалах О. Курбатова, на которой изображен московский стрелец времен Смуты с бердышом. И когда Н. Аничкин предложил ускорить работу над книгой, то к этому все уже было готово. Осталось только сесть за клавиатуру и перенести в электронный вид предыдущие наработки, на что, собственно, и ушли конец лета и осень 2018 г. И вот то, что получилось, и представляется на суд читателей. Надеемся, что книга станет небольшим, но существенным вкладом в изучение истории русского военного дела раннего Нового времени и принесет пользу всем любителям русской военной истории. Заранее извиняемся перед будущими читателями за частое цитирование выдержек из летописей и документов той эпохи – с непривычки читать их порой достаточно сложно, но, увы, при переводе на современный русский литературный язык теряется дух времени, эффект присутствия, а это, по нашему убеждению, неправильно.

Отдельно хотелось бы высказать нашу благодарность Д. Селиверстову, Н. Гурову, А. Томсинову, А. Юшкевичу, К. Козюренку и К. Нагорному, а также читателям моей странички в «Живом Журнале». Без вашей поддержки, вашего участия, советов и комментариев эта книга выглядела бы иначе и не скоро обрела бы законченный вид. Отдельная благодарность и компании Google, благодаря которой были размещены в Сети многие редкие и ранее труднодоступные издания материалов и документов, так или иначе связанных с историей русского военного дела, и теперь можно работать с ними, не выходя за пределы родного дома. И, конечно же, нельзя не сказать о той глубочайшей признательности нашей супруге Т. Пенской, неизменно поддерживающей нас во всех наших начинаниях и обеспечивающей нам надежный тыл. За все трактовки и интерпретации, кроме оговоренных, и, само собой, за конечный результат, автор несет полную ответственность, но, прежде чем вы, уважаемый читатель, перевернете эту стра-

³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 126.

⁴ Контамин Ф. Война в Средние века. СПб., 2001. С. 7.

ницу, вспомните крылатую латинскую фразу – *Feci, quod potui, faciant meliora potentes*⁵! На этой ноте мы и закончим авторское вступление и перейдем к делу.

⁵ Я сделал, что смог, пусть те, кто сможет, сделают лучше, (*лат.*)

Введение

По старой доброй, устоявшейся в веках традиции исторические сочинения принято начинать с историографического обзора и характеристики использованных источников. Не будем и мы отставлять в сторону эту традицию, почему наше разыскание о стрельцах мы также начнем с обзора существующей исторической литературы с последующей характеристикой основных использованных нами источников.

Историография проблемы

В русской исторической литературе история стрельцов была, есть и, очевидно, еще долго будет теснейшим образом связана с покорением Иваном IV Казани и реформами конца 40 – 50-х гг. XVI в., обычно именуемыми (не без помощи со стороны князя А.М. Курбского) «реформами Избранной рады». Это и немудрено, ибо учреждение стрелецкого войска и его боевое крещение было связано с русско-казанской войной 1545–1552 гг. и с тем «устроением» Русского государства, которое происходило в начале правления Ивана IV (и которое в известном смысле было продолжением политики, начатой еще в правление вдовствующей великой княгини Елены Глинской в малолетство Ивана). Именно так, к примеру, в связи с «казанской историей», и появляются стрельцы на страницах «Истории Российской от древнейших времен» князя М.М. Щербатова⁶, который, кстати, делает любопытное замечание, предваряя свой рассказ о взятии Казани. «Должность историка понуждает меня, – писал он, – прервав на малое время продолжение повествования (о 2-й осаде Казани Иваном IV. – В.П.), учинить некоторый размышления о тогдашнем воинском искусстве, а паче в разсуждении брания градов». До того, как «сила селитры, смешанной с серою и с углем, что порохом называем, позната была», продолжал он свое рассуждение, «единыя рукопашныя оружия и стрелы употреблялися во бранех», и «превосходство силы и проворства в воинах решало часто победу», почему и брались города «взлажением по лестницам, или привалами учиненными к стенам; а редко в наших северных странах доходили до сего искусства, знаемого уже римлянами, чтобы стены подрывать и падением оны отверсть себе проход во град». Изобретением же огнестрельного оружия правила осады и взятия городов, продолжал свою мысль Щербатов, переменялись. «Великия громады пушек приволакивали к стенам градским, и ими поражали оных; а тогда же по приличности между туров разставленные пищальники избивали людей, стоящих на стенах». И хотя первые пищали, замечал князь-историк, были «непомерныя длины тихо заряжаемы» и «с великою мешкотою огонь производили», однако ж «как всякой выстрел старалися прицелившись делать, и длину орудий учиняла, что в великом разстоянии могло убивати», тем самым создавая штурмующим колоннам возможность взобраться на стены неприятельской крепости⁷.

Любопытны рассуждения, показывающие ход мыслей автора и его попытку разобраться в сущности изменений в способах ведения осад с изобретением огнестрельного оружия (и как он представлял себе тактику стрельцов и пищальников во время осады крепости). Однако, констатировав на страницах своего сочинения появление стрельцов в 1551 г., Щербатов не стал продолжать свои изыскания в этом вопросе дальше. Впрочем, собственно говоря, такую задачу перед собой он и не ставил. Напротив, «Колумб российских древностей» и «последний летописец» Н.М. Карамзин в своей «Истории государства Российского», в отличие от Щербатова, говоря о стрельцах, попробовал сделать исторический экскурс относительно их появления. Он отмечал, что Иван Грозный вскоре после взятия Казани мог вывести в поле до 300 тыс. рати, конной и пешей. Пехотинцы, «именуемые стрельцами и вооруженные пищальми, избирались из волостных сельских людей, составляли безменную рать, жили обыкновенно в городах и были преимущественно употребляемы для осады крепостей». И далее он указывал, что это «учреждение приписываемое Иоанну, по крайней мере им усовершенное» и в сноске дописывал: «Уже при отце его, В.К. Василии, брали с городов пищальников, которые были то же, что и стрельцы»⁸. Т. о., Н.М. Карамзин выводил стрельцов из пищальников времен Василия III.

⁶ См.: Щербатов М.М. История Российская с древнейших времен. Т. V. Ч. I. СПб., 1786. С. 254, 274, 278 и далее.

⁷ Там же. С. 240–241.

⁸ Карамзин Н.М. История государства Российского. Книга II (тома V, VI, VII и VIII). Т. VIII. СПб., 1842. Стб. 162; Примечания к VIII тому Истории государства Российского. Стб. 69.

Критик Карамзина, талантливый и въедливый историк Н.С. Арцыбышев, ныне, к сожалению, забытый, также склонялся к тому, чтобы полагать стрельцов преемниками пищальников⁹.

В 1-м томе известного труда «Историческое описание одежды и вооружения российских войск», составленном А.В. Висковатовым и увидевшем свет в 1841 г., была предпринята первая попытка реконструировать внешний облик стрельца и его вооружения. Правда, реконструкция эта была не слишком удачна, ибо за основу ее были взяты свидетельства иностранцев (в первую очередь шведа Э. Пальмквиста) и рисунки преподнесенного Алексею Михайловичу коронационного альбома его отца Михаила Федоровича, отражавшие реалии начала 70-х гг. XVII в. и потому мало соотносимые с серединой предыдущего столетия. При этом стрельцы были поименованы составителем труда «старейшим неперменным войском», созданным в эпоху Ивана Грозного (с уточнением, что созданы они были около 1550 г.)¹⁰. Историк И.Д. Беляев спустя 5 лет уже совершенно определенно писал о том, что стрельцы были созданы в 1550 г. (правда, без ссылки на источник, откуда он почерпнул эти сведения). При этом он также предпринял попытку в общих чертах обрисовать характер стрелецкой службы и стрелецкой «повседневности», затронув такие ее аспекты, как порядок «прибора» в стрельцы, размер и структуру жалования и т. п.¹¹ Но, как и в предыдущем случае, большая часть сведений, приводимых историком, относилась к XVII в., преимущественно ко 2-й его половине. Впрочем, это было вполне ожидаемо, ибо от этого времени сохранилось намного больше документов, чем от 1-й половины и тем более от XVI столетия.

Проходит еще год, и в 12-м томе «Военного энциклопедического лексикона» была опубликована большая обзорная статья, посвященная стрелецкому войску¹². По большому счету, ее можно считать (вслед за разделом в работе И.Д. Беляева) попыткой дать более или менее целостное представление о том, что представляло собой стрелецкое войско – когда оно возникло, как комплектовалось, чем вооружалось, какими были его структура, содержание и целый ряд других вопросов, в т. ч. и связанных с участием стрельцов во внутривосточных конфликтах конца XVII в. Заметим, что и в этом случае большая часть информации о стрельцах касалась XVII в., тогда как более ранний период их истории практически не затрагивался автором статьи, скрывшимся под инициалами Н.В.С-Р.

Вообще, для работ справочного характера, затрагивавших историю стрелецкого войска в старой России, характерна именно эта черта – практически все они так или иначе концентрируются на описании состояния стрелецкого войска при первых Романовых, но не при последних Рюриковичах на московском троне¹³. Исключением из этого правила выглядит большая статья в «Журнале Министерства народного просвещения» за авторством Н. Шпаковского¹⁴. Хотя много позднее С.Л. Марголин и назвал ее небольшой¹⁵, но на фоне предыдущих работ о стрельцах она выглядит просто огромной и выгодно от них отличается и объемом, и обоснованностью суждений, и количеством привлеченных к написанию статьи первоисточников. Главным ее недостатком можно было бы считать чрезмерную порой обобщенность, но, однако, это не вина автора – перед ним стояла сверхзадача втиснуть значительное количество материала, которым он обладал, в узкие рамки журнальной статьи.

⁹ Арцыбышев Н.С. Повествование о России. Т. II. М., 1838. С. 389.

¹⁰ Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Т. I. СПб., 1841. С. 85, 90–96.

¹¹ Беляев И.Д. О русском войске в царствование Михаила Федоровича и после его, до преобразований, сделанных Петром Великим. М., 1846. С. 45–57.

¹² Военный энциклопедический лексикон. Т. 12. СПб, 1857. С. 382–386.

¹³ См., например: Стрельцы // Настольный энциклопедический словарь. Т. VIII. Сладкое дерево – V. Изд. тов. Гранат и Ко. М., 1897. С. 4682–4683. Ср.: Стрельцы // Энциклопедический словарь. Т. XXXI. Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1901. С. 848.

¹⁴ Шпаковский Н. Стрельцы // ЖМНП. Часть CCCXIX (1898, сентябрь). СПб., 1898. С. 135–151.

¹⁵ См.: Марголин С.Л. Начало стрелецкого войска // Ученые записки МОПИ. Вып. 1. М., 1939. С. 47.

Впрочем, на наш взгляд, Н. Шпаковский с этим вполне справился, и его «Стрельцы», пожалуй, самое лучшее, что было написано о стрельцах в дореволюционной русской историографии. По своей значимости она превосходит не только предыдущие обзорные статьи, но и соответствующие разделы в специальных военно-исторических работах. Возьмем, к примеру, 2-й том «Русской военной истории» князя Н.С. Голицына – солидная работа, претендующая на всеохватность и всеобщность¹⁶. Уже при первом же взгляде на структуру его сочинения видно, что перед нами не столько история русского военного дела (того, что в западной военно-исторической литературе именуют *warfare*), сколько классическая «история битв и сражений», в которой анализу особенностей устройства военной машины и ее отдельных составляющих отводится совсем немного места.

Касаясь стрельцов, Голицын писал, что «до учреждения стрельцов пешими служили только иноземные наемные ратники, число которых было незначительным (глухая отсылка к имперскому дипломату С. Герберштейну и его «Запискам о Московии», о которых речь еще впереди. – В.П.), и беднейшие из русских ратников, которые были не в состоянии иметь коней и которых назначали большею частью в городовую службу. Потому пехоту составляли плохо вооруженная и устроенная чернь, содержавшая стражу в городах»¹⁷. «Учреждением (около 1550 г.) пеших стрельцов Иоанн IV положил в русском временном и почти исключительно конном войске **первые начала постоянной пехоты на жаловании** (выделено нами. – В.П.)», – продолжал дальше автор «Русской военной истории»¹⁸. Стоит заметить, что, во-первых, Голицын дает точную дату образования стрелецкого войска (притом что в характеристике стрельцов он опирается преимущественно на описание Карамзина); а во-вторых, подчеркивает постоянный характер их службы в отличие от прежних временных конных и пеших ополчений. Правда, подчеркивал Голицын, «число стрельцов, казаков и особенно иностранных наемных ратников было, в сравнении с числом конницы, довольно незначительно, а в конце XVI и в начале XVII столетий уменьшилось еще более», в т. ч. и из-за сокращения численности стрельцов, которые, по мнению князя, по смерти Ивана Грозного и в особенности в годы Смуты предались беспорядкам¹⁹.

Любопытная деталь – касаясь причин, обусловивших создание постоянного стрелецкого войска, Н.С. Голицын отмечал, что «вооружаясь только на время войны или похода, дворяне и боярские дети, при внезапных вторжениях неприятеля, не всегда успевали собраться вовремя и не могли успешно действовать пешими против шведской и польской пехоты», почему и потребовалось «учредить постоянную пехоту – стрельцов»²⁰.

Стоит заметить, что все эти суждения Голицына, в отличие, к примеру, от тезисов Н. Шпаковского, носят сугубо умозрительный характер и не подтверждаются отсылками к соответствующим документам или нарративным памятникам. Читателю де-факто предлагается принять мнение автора на веру без возможности проверить, на основании чего им были сделаны такие выводы.

Обратимся к другому представителю русской военно-исторической мысли конца XIX в. – Д.Ф. Масловскому, считающемуся одним из отцов-основателей «русского» направления в изучении истории русского военного дела и военной истории (кстати, он довольно высоко оценил труд Н.С. Голицына как первопроходческий, не преминув при этом отметить и его существенные недостатки). В своих «Записках по истории военного искусства в России», характеризуя общее состояние военного дела в допетровскую эпоху, он касается и интересующего нас

¹⁶ См., например, список использованной автором при написании этого тома литературы и источников: Голицын Н.С. Русская военная история. Часть 2-я. От Иоанна III до Петра I. СПб., 1878. С. 3–16.

¹⁷ Там же. С. 12–13.

¹⁸ Там же. С. 5.

¹⁹ Там же. С. 7, 13.

²⁰ Там же. С. 8.

вопроса – и снова в форме самого общего очерка. «Стрельцы, – писал Масловский, – были первым видом русской пехоты регулярного устройства». Что же касается их происхождения, то по этому поводу историк отмечал (со ссылкой на мнение видного русского историка конца XIX в. Д.И. Иловайского), что «люди, вооруженные «ручницами», появились еще при Василии Ивановиче, в Новгороде, и при Иване IV Грозном переименованы в стрельцы»²¹. Т. о., для Масловского генетическая связь и непосредственная преемственность между пищальниками и стрельцами была вполне очевидной.

Кстати, а что писал Д.И. Иловайский о стрельцах? А вот что: «Военная несостоятельность подобного народного ополчения (имеется в виду посоха. – В.П.), рядом с появлением у наших западных соседей постоянного войска, снабженного огнестрельным оружием, побудила московское правительство завести у себя настоящую пехоту, вооруженную ручницами, т. е. ручными пищальями или ружьями». Т. е., говоря о причинах, побудивших «правительство» Ивана IV учредить корпус «стрелецкой пехоты», Иловайский также склонялся к тому, чтобы считать его появление ответом на «вызов» со стороны соседей – Запада, конечно, но не Турции (и не Крыма). Продолжая дальше свой рассказ, историк указывал, что «первоначально такая пехота по-видимому появилась в Новгороде и Пскове; ибо при Василии Ивановиче и в малолетство Грозного упоминаются новгородские и псковские «пищальники» (а здесь глухая отсылка к псковским летописям и документам новгородской администрации. – В.П.)...». От пищальников псковских и новгородских Иловайский перекидывает мостик к московским стрельцам: «В царствование Ивана IV такое войско стало называться «стрельцами» и было значительно умножено», в том числе и за счет того, что наряду со стрельцами московскими отдельные «команды» стрельцов появились и в иных городах, прежде всего пограничных, «украинных». Набиралось это «новое войско», по словам историка, «из вольных охочих людей, и содержалось за счет казны; сверх денежного и хлебного жалования, стрельцы надеялись также землею, имели право заниматься мелкою торговлею и промыслами».

Что касается стрелецкой службы, то ее Иловайский характеризовал следующим образом: «Кроме гарнизонной службы, в мирное время они (стрельцы. – В.П.) вообще отправляли полицейскую службу и держали караулы в столице». И, наконец, пару слов историк сказал и о вооружении и структуре стрелецкого войска. «Они (т. е. стрельцы. – В.П.) вооружены были тяжелым неуклюжим ружьем или самопалом с пулею очень малого калибра, – писал Иловайский, – саблею и бердышом или секирою на длинной рукояти (а здесь опять же глухая отсылка к описанию московского стрельца конца 80-х гг. XVI в., которое дал английский дипломат Дж. Флетчер, посетивший Россию в начале правления царя Федора Иоанновича. – В.П.)...». Что же касается численности, то, по мнению историка, в конце XVI в. стрельцов насчитывалось около 15 тыс., разделенных на пятисотенные приказы во главе с головами, а под ними «ходили» сотни, пятидесятники и десятники²².

Нельзя не вспомнить и о той роли, которую, по мнению П.Н. Милюкова, талантливого историка, но, увы, ушедшего в политику, сыграли стрельцы в истории Русского государства и его административных и финансовых институтов. По его мнению, в истории России в этот период можно выделить пять основных этапов военных преобразований. На первом этапе, в 1490-е гг., была создана поместная конница и в дополнение к ней отряды пищальников, на втором, в 1550-е гг., возникло стрелецкое войско (которое Милюков полагал результатом простого переименования прежних пищальников) и, как результат этого нововведения, заводится более или менее постоянное налогообложение и усложняется вслед за этим аппарат центральной власти. В 1620-е гг. началось создание полков нового строя и, как следствие,

²¹ Масловский Д.Ф. Записки по истории военного искусства в России. Вып. 1-й. 1683–1762 годы. СПб., 1891. С. И.

²² Иловайский Д.И. История России. Т. III. Московско-царский период. Первая половина или XVI век. М., 1890. С. 458–459.

дальнейшее совершенствование государственного аппарата и налоговой системы). В 1680-х гг. были созданы военноадминистративные округа – разряды и, наконец, военные реформы 1-й четверти XVIII в. завершились созданием постоянной, регулярной армии²³. Любопытная конструкция – задолго до рождения концепции *fiscal-military state* основные его черты были верно подмечены Милюковым, и стрельцам в поступательном движении Русского государства по этому пути отводилась одна из ключевых ролей.

Итак, подведем предварительный итог. Старая русская историография нельзя сказать, чтобы совсем уж не заметила появление стрельцов, однако, образно говоря, глубоко борозды и не вспахала. Быть может, ей просто не хватило времени для того, чтобы от монументальных «российских историй», рассказывающих обо всем понемногу, перейти к более глубоким, развивающим одну частную проблему, исследованиям? Или же она не слишком интересовалась столь специфическими проблемами, полагая их сферой интересов историков в погонах (а над теми последними, впрочем, как и над историками университетскими, довлела «петровская легенда» с ее образом Петра Великого как «культурного героя», этакого Прометея, выведшего русский народ на торную дорогу цивилизации)? Или же были иные другие причины, по которым в дореволюционное время не появилось большой обобщающей работы о стрельцах? Об этом мы уже не узнаем. Остается лишь констатировать, что наивысшим достижением старой русской историографии в «стрелецком вопросе» осталась статья Н. Шпаковского в «Журнале Министерства народного просвещения». Никто другой не сумел вместить так много в такой небольшой по объему текст, вложив в него целый ряд любопытных наблюдений и выводов относительно происхождения стрельцов и их последующей судьбы.

Наиболее важными положениями, на наш взгляд, в дореволюционной «стрелецкой истории» можно считать следующие. Во-первых, это установление связи между пицальниками начала XVI в. и стрельцами середины того же столетия. Во-вторых, точное определение времени создания корпуса стрелецкой пехоты. В-третьих, сформулированы основные положения, определяющие характер стрелецкой службы и порядок «прибора» во стрельцы. Любопытные замечания по этому поводу сделал В.О. Ключевский. Он писал, что «чин» служилых людей по прибору, к которым относились стрельцы, «был соединительным между служилыми людьми по отечеству и тяглым населением», но отличался от первых тем, что «служба приборных людей была временная и личная, а не наследственная, как служба служилых людей по отечеству», а также и тем, что «стрельцы, казаки, пушкари вербовались из различных классов общества». Итак, по мнению Ключевского, на первых порах в стрельцы вербовалась всякого рода вольница, которая брала на себя временную службу, и лишь с течением времени она переросла в наследственную и потомственную. Кроме того, по мнению Ключевского, «приборные люди содержались не поместными дачами, которые отводились в личное владение каждому, а либо денежным жалованьем, либо землевладением, но на особом праве, которое совмещало в себе черты поместного и крестьянского землевладения, – казенная земля отводилась целым обществам таких пограничных военных поселенцев, как и крестьянам, но она отводилась на условиях поместного владения»²⁴.

Наконец, так или иначе, но был создан общий очерк истории стрелецкого войска, своего рода эскиз карандашом или углем, который предстояло наполнить красками новым поколением историков. И можно было бы предположить, что вслед за «Государевыми служилыми людьми» Н.П. Павлова-Сильванского последует подобное же исследование, но посвященное исключительно стрельцам.

²³ См.: Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. I. Население, экономический, государственный и сословный строй. СПб., 1896. С. 116–120.

²⁴ Ключевский В.О. История сословий в России // Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. VI. Специальные курсы. М., 1989. С. 344.

Увы, этого не произошло. После бурных событий начала XX в., трех революций и двух войн, Первой мировой и Гражданской (не считая Русско-японской), в отечественной исторической науке произошли серьезнейшие перемены. Пожалуй, наиболее значимой по последствиям переменой стала своеобразная «индоктринация» ее марксизмом с его особенным вниманием к истории социально-политической и экономической. И хотя в старой русской историографии проблемы, связанные с этими разделами большой истории, никогда не сходили с повестки дня, тем не менее в известном смысле все нужно было начинать с начала, чуть ли не с «чистого листа», осваивать новую методологию и создавать на ее основе новые работы, отвечающие новому социальному заказу. Конечно, тут было не до стрельцов – нужно было время, чтобы от общих работ перейти к узкоспециальным, тем более таким, которые касались вопросов военной истории Русского государства позднего Средневековья – раннего Нового времени. Однако рано или поздно, но возврат к этой теме должен был произойти, и он наметился в последние предвоенные годы (и связан он был, очевидно, с тем поворотом, который наметился в идеологической работе ВКП(б) в канун Второй мировой войны).

Чуть ли не первой «ласточкой» стала работа С.К. Богоявленского об оружии русских войск в XVI–XVII вв., увидевшая свет в 1938 г. в «Исторических записках» (и которая очень скоро стала классической)²⁵. В ней автор, используя самые разнообразные источники, подробно характеризует стрелецкое вооружение, как огнестрельное, так и иное, сделав при этом ряд любопытных, не потерявших значения и до наших дней, наблюдений. Увы, если не считать разобранного им казуса с железными шапками стрельцов в начале XVII в., все эти наблюдения относятся ко временам Алексея Михайловича и его преемников, а потому нам, за редким исключением, малоинтересны.

В самый канун Второй мировой войны, в 1939 г., вышла первая в отечественной исторической науке статья, посвященная именно созданию стрелецкого войска, – статья чрезвычайно важная и в каком-то смысле эпохальная²⁶. Ее автор, С.Л. Марголин, приведя краткую сводку мнений относительно времени формирования корпуса стрелецкой пехоты, подивился тому разнообразию, который существовал в отечественной историографии к тому времени по поводу ответа на вопрос: «Так когда ж возникло стрелецкое войско?», и это притом, как указывал он, что в летописях есть несомненно точное указание на время создания стрельцов²⁷. Далее он коснулся проблемы взаимосвязи пищальников времен Василия III и стрельцов Ивана Грозного. Его вердикт гласил: «Пищальники – несомненные предшественники стрельцов, как более ранняя форма вооруженной огнестрельным оружием пехоты». Вместе с тем, по мнению исследователя, «появление термина «стрельцы» было переменной не одного только названия», поскольку «пищальники вряд ли даже в какой-нибудь своей части были устроены подобно стрельцам»²⁸.

Что же до времени появления стрельцов, то С.Л. Марголин отмечал, что «в самом обширном и важном для XVI в. памятнике этого типа, Никоновском своде, стрельцы появляются с Казанского похода 1551 г. и начиная с этого момента встречаются очень часто, сразу занимая очень видное место в повествованиях летописца»²⁹. Однако ни Никоновский свод, ни другие связанные с ним летописи ничего не говорят о стрельцах до 1551 г., продолжал историк, но в т. н. Русском хронографе 2-й редакции под 5058 г. (т. е. 1549/50) помещено краткое известие (которое автор статьи цитирует полностью) как раз о времени создания стрелецкого корпуса, его структуре, первых головах – начальниках стрельцов и жаловании, которое было определено царем для них (и называется место, где были поселены первые стрельцы). «Удивительно, – про-

²⁵ Богоявленский С.К. Вооружение русских войск в XVI–XVII вв. // Исторические записки. Т. 4. М., 1938. С. 258–283.

²⁶ Марголин С.Л. Начало стрелецкого войска. С. 47–53.

²⁷ Там же. С. 48.

²⁸ Там же. С. 50.

²⁹ Там же. С. 50.

должал далее С.Л. Марголин, – что это сообщение не привлекло до сих пор внимания никого из писавших о стрельцах (и это при том, что сам по себе этот значимый памятник русского летописания был хорошо известен еще в XIX в. и издан в 1911 г. в составе «Полного собрания русских летописей». – В.П.)...»³⁰.

Определившись с датой появления стрелецкого войска и с их связью с пищальниками, С.Л. Марголин сделал еще одно интересное наблюдение. Согласно ему, «пищальники не исчезли тотчас же после этого (учреждения стрелецкого войска. Впрочем, а стоило ли ожидать иного – ведь поначалу стрельцов было всего лишь 3 тыс., что явно мало для такой страны, как Россия, да еще и с претензиями на имперский статус. – В.П.). В течение некоторого времени они, видимо, еще существовали параллельно со стрельцами и лишь затем, впрочем, довольно скоро, были совершенно поглощены или вытеснены ими»³¹.

Итак, несмотря на свой небольшой размер, статья С.Л. Марголина оказалась чрезвычайно важной, поскольку в ней впервые было точно и со ссылкой на источник обозначено время создания стрелецкого войска и сделан ряд полезных наблюдений относительно их предыстории. Благодаря этому «Начало стрелецкого войска» не утратило своего значения и по сей день и является, образно говоря, той печкой, от которой нужно начинать плясать, приступая к изучению истории стрельцов во 2-й половине XVI – начале XVII в.

В 1946 г. в 53-м томе Большой советской энциклопедии вышла большая обзорная статья известного отечественного историка Ю.В. Готье «Стрельцы»³². В ней в краткой, но вместе с тем достаточно информативной форме обрисованы были в общих чертах в равной степени как зарождение самого стрелецкого войска, так и его последующая эволюция и история. Конечно, сам жанр энциклопедической статьи, носящей справочный характер, не предполагал ни солидного историографического обзора, ни анализа источников, ни обширного научного аппарата в виде сносок и т. п., однако, если сравнивать эту статью с аналогичными статьями в дореволюционных словарях и энциклопедиях, то налицо был серьезный шаг вперед.

Еще более значимый шаг был сделан видным советским военным историком А.В. Черновым. В «Исторических записках» в 1951 г. вышла его небольшая, но емкая и насыщенная фактами и наблюдениями статья об образовании стрелецкого войска³³. Сразу стоит заметить, что историк не поддержал мнение о том, что пищальники были прямыми предшественниками стрельцов. По его мнению, «пищальников можно назвать предшественниками стрельцов, и то лишь в части характера службы (рода войск) и вооружения». «И те и другие были (пищальники по преимуществу) пешими воинами, – продолжал исследователь, – и те и другие были вооружены огнестрельным оружием. Именно в этом отношении можно говорить о преемственности стрельцов от пищальников», тогда как «во всем остальном (способ комплектования, внутренняя войсковая организация, служебное и материальное положение и др.) стрельцы ничего общего не имели с пищальниками». Отсюда и общий вывод автора – «постоянное стрелецкое войско по своему военному и политическому положению и своей внутренней организации стояло несравненно выше отрядов временно созываемых пищальников-ополченцев»³⁴.

Вместе с тем А.В. Чернов, опираясь в первую очередь на сведения, сообщаемые «Казанским летописцем»³⁵, выдвинул несколько неожиданную для начала 50-х гг. минувшего столетия версию о том, что время образования стрелецкого войска нужно отнести к 1546 или 1547 г., хотя далее по тексту своей статьи он ссылается на свидетельство «Хронографа» относительно

³⁰ Там же. С. 50.

³¹ Там же. С. 52.

³² Готье Ю.В. Стрельцы // Большая советская энциклопедия. Т. 53. М., 1946. Стб. 35–37.

³³ Чернов А.В. Образование стрелецкого войска // Исторические записки. Т. 38. М., 1951. С. 281–290.

³⁴ Там же. С. 290.

³⁵ См.: История о Казанском царстве (Казанский летописец). Стб. 44–45, 51.

создания «выборного» стрелецкого войска в 1550 г.³⁶ Почему так было сделано, можно только догадываться, хотя можно предположить, что здесь сработало стремление автора статьи опереться на авторитет классика, а классик в своих «Хронологических выписках» указывал на то, что в 1545 г. Иван IV учредил личную охрану, вооруженную огнестрельным оружием. И поскольку К. Маркс не мог ошибаться, то нужно было найти в источниках подтверждение приведенному мнению, и благодаря неизвестному автору «Казанского летописца» это оказалось возможным.

Возвращаясь к 1550 г. как времени создания корпуса стрелецкого корпуса, А.В. Чернов указывал, что это событие отнюдь не случайно, поскольку явилось частью большой военной «реформы» (термин «реформа» применительно к действиям «правительства» Ивана IV взят в кавычки не случайно, ибо есть определенные сомнения в том, что эти мероприятия являлись именно реформами в том смысле, который вкладывается в это слово сегодня). Историк отмечал, что в этом же году была предпринята попытка создания т. н. «Избранной тысячи», и в таком случае «в виде «тысячи» был создан отряд избранной конницы, а под именем выборных стрельцов – трехтысячный отряд избранной пехоты». И те и другие, отмечал Чернов, «составляли личную вооруженную охрану царя, оберегавшую его дворец снаружи (стрельцы) и внутри (жильцы), выполнявшие различные поручения военного и гражданского характера, сопровождавшие царя в походах». На наш взгляд, это наблюдение мало того что проливает свет на причины создания стрельцов именно как «выборного» корпуса пехоты, но еще и позволяет провести параллели между, к примеру, первыми стрельцами и «потешными» Петра I и той ролью, которую они играли в политической жизни двора (впрочем, Чернов так прямо и называет стрельцов «предшественниками русской гвардии»)³⁷.

Еще один важный момент, на который обращает внимание А.В. Чернов. «Стрельцы были поселены в особой слободе и обеспечены денежным жалованием. Таким образом, **стрельцы являлись постоянным войском**, были всегда готовы к выполнению служебных обязанностей и **по своей организации приближались к регулярному** войску (выделено нами. – **В.П.**)...»³⁸. Стоит заметить, что отечественный военный историк А.В. Малов отмечал спустя полсотни лет, что формирование регулярной армии в Новое время – процесс длительный, связанный с серьезными переменами в политической, юридической и иных сферах деятельности государства.³⁹ И при таком подходе (с которым трудно не согласиться) можно вести речь о том, что создание стрелецкого войска – один из первых шагов на этом долгом пути.

Подчеркивая важность осуществленной «реформы», А.В. Чернов в качестве примера сослался на участие стрельцов в двух важнейших военных походах Ивана Грозного – Казанском 1552 г. и Полоцком 1562–1563 гг., где исход дела во многом был предопределен успешными действиями русского наряда и пехоты, вооруженной огнестрельным оружием (среди которой выделялись именно стрельцы и их более дешевый аналог казаки). Подытоживая написанное, свою статью историк завершал таким пассажем: «Стрелецкое войско сыграло крупнейшую роль в военной истории Русского государства в XVI–XVII вв. и заслуживает глубокого и всестороннего изучения»⁴⁰. И с этим тезисом трудно не согласиться.

Вслед за выходом статьи А.В. Чернов опубликовал спустя три года, в 1954 г., монографию «Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв.»⁴¹. Это ставшее классическим исследова-

³⁶ Чернов А.В. Образование стрелецкого войска. С. 282–283, 285.

³⁷ Там же. С. 285.

³⁸ Там же. С. 285–286.

³⁹ См.: Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671 гг. М., 2006. С. 10–14.

⁴⁰ Чернов А.В. Образование стрелецкого войска. С. 286–289, 290.

⁴¹ Чернов А.В. Вооруженные силы Русского Государства в XV–XVII вв. (С образования централизованного государства до реформ при Петре I). М., 1954.

дование представляло собой сокращенный вариант защищенной перед этим историком диссертации на соискание научной степени доктора исторических наук. И хотя основное внимание А.В. Чернов и в диссертации, и в книге уделил русскому войску и военному делу XVII в., тем не менее он не оставил без внимания и более ранний период – 2-ю половину XV и XVI в. Естественно, что, анализируя особенности развития русского военного искусства и военного дела в эти полтора столетия, историк не мог пройти мимо пищальников и стрельцов, посвятив им соответствующие разделы (в которых он продолжил развивать те тезисы, которые были озвучены в статье 1951 г.). Так, характеризуя пищальников, исследователь, подытожив результаты анализа немногочисленных доступных свидетельств о них, писал: «Пищальники набирались преимущественно из городского населения и в отличие от «посохи» выставлялись на службу не с сохи, а с двора. Население должно было снабжать пищальников оружием, боевыми запасами, одеждой и продовольствием». При этом им было сделано важное наблюдение о том, что «существовали и «казенные» пищальники, которые получали огнестрельное оружие от правительства (из казны)». Далее, сравнивая пищальников и посоху, А.В. Чернов пришел к выводу, что «пищальники предназначались для непосредственного участия в боевых действиях войска и этим также отличались от посошной рати, выполнявшей главным образом подсобную роль в бою». И, наконец, он указал также и на то, что «в боевых действиях пищальники участвовали в пешем строю (осада Смоленска), хотя некоторые из них в походы выступали на конях»⁴².

Что же касается значения пищальников, то ученый отмечал, что «в лице пищальников русское войско впервые получило отряды пехоты, поголовно вооруженной огнестрельным оружием. **Пищальники позволили правительству впервые широко применить ручное огнестрельное оружие, усилив тем самым конницу, вооруженную луками со стрелами** (выделено нами. – В.П. Вывод любопытный и, на наш взгляд, правильно расставляющий акценты – действительно, по отношению к коннице пищальники играли вспомогательную роль). В этом и состояло значение пищальников на данном этапе развития русского войска»⁴³.

В «стрелецком» разделе своей монографии А.В. Чернов продолжал настаивать на том, что стрелецкое войско появилось ранее 1550 г. и существовало уже во 2-й половине 40-х гг. XVI в., из его построений логично вытекало (но не было прямо сформулировано) предположение, что «выборные» московские стрельцы 1550 г. были «выбраны» из тех самых стрельцов конца 40-х гг. XVI в.⁴⁴ Кроме того, Чернов отказывал пищальникам в праве считаться прямыми и непосредственными предшественниками стрельцов, что, в общем, также было вполне логичным, исходя из его взглядов на пищальников. В самом деле, если Чернов исходил из того, что пищальники – это временно набираемое из тяглых людей по разнарядке ополчение, то, кроме внешнего сходства (вооружение огнестрельным оружием и привычка биться в пешем строю), действительно, стрельцов и пищальников ничто больше не объединяет⁴⁵. Правда, здесь возникает вопрос с «казенными» пищальниками, о которых писал, к примеру, С.Л. Марголин в своем «Начале стрелецкого войска»⁴⁶, но о них А.В. Чернов умалчивает (не потому ли, что их существование нарушало стройную картину генезиса стрелецкого войска в его изложении?). Тем не менее исследование А.В. Чернова, несмотря на определенную конспективность и обзорность в той его части, что касалась XVI в., и ряд спорных утверждений, по праву может полагаться классическим.

Выход в свет монографии А.В. Чернова обусловил и появление двух работ, также касавшихся стрелецкого войска. Одна из них – рецензия С.Л. Марголина, в которой он, высоко

⁴² Там же. С. 31.

⁴³ Там же. С. 31.

⁴⁴ Там же. С. 47–48.

⁴⁵ Там же. С. 52.

⁴⁶ Марголин С.Л. Начало стрелецкого войска. С. 48.

оценив вклад А.В. Чернова в развитие отечественной военно-исторической науки, высказал, однако, и ряд серьезных критических замечаний в адрес автора⁴⁷. В частности, он подверг критике точку зрения А.В. Чернова относительно учреждения стрельцов до 1550 г., настаивая на том, что это произошло именно в 1550 г. и что летописная запись в «Хронографе», позволяющая датировать именно этим годом создание стрелецкого войска, пересказывает подлинный указ об организации первых стрелецких «статей»⁴⁸.

Другой работой стала большая статья А.А. Зимина в «Исторических записках», посвященная военным «реформам» 50-х гг. XVI в., немалое место в которой было отведено стрельцам и пищальникам⁴⁹. Чем важна и интересна эта статья? Прежде всего тем, что А.А. Зимин со свойственной ему скрупулезностью и тщательностью собрал и выложил наиболее полную (и по сей день) сводку сведений о пищальниках в актовых материалах, летописях и иных источниках⁵⁰. Анализ этих сведений позволил А.А. Зимину однозначно и недвусмысленно заявить: «связь пищальников с позднейшими стрельцами несомненна. Что это так, видно хотя бы из документа 1598 г., в котором упоминается о службе новгородцев (справедливости ради отметим, что в документе речь идет все же не о новгородцах, а об отставных ладожских стрельцах. – В.П.) в стрельцах лет 50 и больше (т. е. во всяком случае с 40-х гг. XVI в.)»⁵¹. Что же касается упоминания стрельцов до 1550 г., то А.А. Зимин полагал, что это связано с использованием термина «стрельцы» для обозначения стрелков – из лука ли, из пищали, неважно. «Стрельцы были другим наименованием (бытовым) пищальников», – полагал исследователь⁵². Создание же корпуса стрелецкой пехоты летом 1550 г., полагал исследователь, представляло не что иное, как реорганизацию старых отрядов пищальников⁵³. Общий же вывод автора относительно роли пищальников и стрельцов заключался в том, что «пищальники-стрельцы в XVI в. и войска «нового» строя в XVII в. были этапами становления постоянного войска в России»⁵⁴.

Подведем некий предварительный итог заочной дискуссии С.Л. Марголина, А.В. Чернова и А.А. Зимина, оказавшей значительное влияние на весь последующий стрелецкий «дискурс» в отечественной военно-исторической науке. Мы преднамеренно не касаемся работ историков, так или иначе затрагивающих «реформы эпохи т. н. «Избранной Рады» конца 40-х-50-х гг. XVI в. и внешнеполитических деяний Ивана Грозного, – многие из них затрагивали вопрос о стрельцах, особенно тогда, когда речь заходила о «реформах» Ивана IV или его войнах⁵⁵. Стрельцы, стрелецкое войско и проблемы, связанные с их историей, не были предметом первостепенной важности для них и упоминались мимоходом, в контексте реформаторской деятельности «правительства» А. Адашева, казанского или полоцкого «взятья» и событий Ливонской войны. Можно, правда, вспомнить, но исключительно как историографический курьез, «концепцию» А.Л. Янова, который, развивая идею о «самодержавной революции» Ивана Грозного, которая якобы своротила Россию со столбового пути развития европейской цивилизации, нашел в ней место и для стрельцов. Последние, по его словам, точно так же, как местное самоуправление, являлись конкурентами воевод, являлись успешными конкурентами поме-

⁴⁷ См.: Марголин С.Л. Рецензия: А.В. Чернов. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. С образования централизованного государства до реформ при Петре I // Вопросы истории. 1955. № 4. С. 154–157.

⁴⁸ Там же. С. 155.

⁴⁹ Зимин А.А. К истории военных реформ 50-х гг. XVI в. // Исторические записки. Т. 55. М., 1956. С. 344–359.

⁵⁰ Там же. С. 354–359.

⁵¹ Там же. С. 357.

⁵² Там же. С. 357.

⁵³ Там же. С. 358.

⁵⁴ Там же. С. 358.

⁵⁵ См., например: Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М., 1960. С. 345–348; Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времени Ивана Грозного. М., 1988. С. 52–53 и др.

щиков на военном поприще. Как следствие, «введение постоянной профессиональной армии с нормальным европейским балансом между кавалерией и пехотой» лишило бы «помещиков той военной монополии, на которой все в их жизни держалось». И поскольку этого не случилось, то, «выбрав помещичью кавалерию, правительство, по сути, пожертвовало военной реформой»⁵⁶, а вместе с нею – и европейской перспективой. Стоит ли разбирать эту «концепцию», целиком и полностью относящуюся к «миру идей», но никак не к суровой реальности середины XVI в.? Ответ напрашивается сам собой – не стоит, ибо были и есть и другие истоки, мнение которых представляет больший, даже пускай и сугубо (на сегодняшний момент) историографический интерес.

К числу таких работ, безусловно, относится «История военного искусства» полковника Е.А. Разина, работа над которой началась еще до Великой Отечественной войны. Интересующий нас 2-й ее том, дополненный и переработанный, увидел свет в 1957 г.⁵⁷, после дискуссии А.В. Чернова, А.А. Зимина и С.Л. Марголина.

Что писал Е.А. Разин о стрельцах и стрелецком войске? В соответствующем разделе своего труда он встал на точку зрения А.В. Чернова, согласившись с тем, что, во-первых, первые упоминания о стрельцах встречаются прежде 1550 г., а во-вторых, что не стоит отождествлять стрельцов и пищальников, поскольку они различались по характеру устройства и способам комплектования. Любопытно, но Е.А. Разин, характеризуя комплекс вооружения стрельцов, писал, что «на вооружении стрельцы имели пищаль, бердыш и саблю», причем бердыш использовался как подставка при стрельбе из пищали, поскольку стрелять из нее без опоры было нельзя из-за большого веса⁵⁸. Этот пассаж как нельзя более ярко показывает несамостоятельность и компилятивность «стрелецкого» раздела этой части «Истории военного искусства» Е.А. Разина – реалии XVII в. он перенес на XVI в. по той простой причине, что скрупулезная работа с первоисточниками явно не входила в число его исследовательских методов. Все это не могло не привести к тому, что его работа довольно быстро устарела, но продолжает оставаться востребованной и оказывать воздействие на формирование взглядов на развитие русского военного дела раннего Нового времени (и не только его) лишь в силу своей доступности (ее без особого труда можно найти в Сети) и отсутствия более качественных и современных конкурентов.

Краткий обзор истории стрелецкого войска в XVI в. был составлен с опорой на опубликованные документы, летописные заметки и свидетельства иностранных наблюдателей П.П. Епифановым, оппонентом А.В. Чернова⁵⁹. Его очерк увидел свет в 1976 г. как часть коллективных «Очерков русской культуры XVI века» и вплоть до наших дней остается самым полным и точным описанием стрельцов и их «повседневности». В этом отношении исследование П.П. Епифанова может быть сравнимо со статьей Н. Шпаковского – подобно тому, как исследование Шпаковского было вершиной дореволюционного стрелецкого «дискурса», так и очерк Епифанова может полагаться наивысшей точкой в изучении ранней истории стрелецкого войска в советской историографии.

Какие вопросы рассматриваются в этом очерке? В начале очерка речь идет о пищальниках, затем, упомянув о столкновении новгородских пищальников с дворянами Ивана IV под Коломной в 1546 г., автор переходит к стрельцам, подчеркнув, что этот неприятный казус послужил одной из причин создания корпуса стрельцов – пехоты более дисциплинированной и надежной. Продолжая дальше, П.П. Епифанов остановился подробно на характеристике роста численности стрелецкого войска и расширении его «географии», содержания стрельцов (здесь

⁵⁶ Янов. А.Л. Россия: у истоков трагедии. 1462–1584. Заметки о природе и происхождении русской государственности. М., 2001. С. 165–167.

⁵⁷ Разин Е.А. История военного искусства. Т. II. М., 1957.

⁵⁸ Разин Е.А. История военного искусства VI–XVI веков. М. – СПб., 1999. С. 331–332.

⁵⁹ Епифанов П.П. Пищальники и стрельцы // Очерки русской культуры XVI века. Ч. 1. М., 1976. С. 344–349.

он отметил, что проблемы с выдачей денежного и хлебного жалования обусловили принятие решения разрешить стрельцам заниматься ремеслами и торговлей), сроков их службы, а также вопросов боевого применения стрельцов. В целом получился добротный, не претендующий на абсолютную новизну, но вместе с тем позволяющий составить достаточно полное впечатление о стрельцах XVI в., очерк. Его вполне можно и сегодня рекомендовать в качестве исходной работы для тех, кто желает узнать о стрельцах времен последних Рюриковичей побольше и сразу, не собирая по крупицам сведения, разбросанные в литературе и источниках.

В постсоветской историографии изучение стрелецкой темы продолжилось, причем стоит отметить, что к традиционным проблемам истории стрелецкого корпуса добавились и новые – в первую очередь это касается стрелецкой униформологии и вексиллологии. «Пионерной» публикацией в этом направлении стала богато иллюстрированная статья Р. Паласиос-Фернандеса в пилотном выпуске военно-исторического журнала «Цейхгауз»⁶⁰. В настоящее время над этой темой применительно к XVI – началу XVII в. (статья Р. Паласиос-Фернандеса касается 2-й половины XVII в.) плотно работают художник О.В. Федоров и историк О.А. Курбатов, автор ряда работ по русской военной истории и истории русского военного дела раннего Нового времени и активный участник реконструкторского движения в России⁶¹.

Если же вести речь о традиционных по структуре и содержанию военно-исторических исследованиях, касающихся стрелецкой тематики, тем более применительно к XVI в., то их в конце минувшего – начале нынешнего столетия вышло не так уж и много. Так, в 2004 г. вышла книга В.А. Волкова «Войны и войска Московского государства», включающая в себя раздел, в котором дается краткий обзор истории пищальников и стрелецкого войска в XVI – 1-й половине XVII в. и отдельных аспектов их «повседневности»⁶². Впрочем, ничего нового по сравнению с предыдущими работами на эту же тему этот очерк в изучение истории стрельцов не внес – перед нами более или менее добросовестная компиляция.

В том же 2004 г. вышла книга М.Ю. Романова «Стрельцы московские», которая на сегодняшний день может считаться наиболее полным исследованием по истории стрелецкого войска – но применительно к XVII столетию⁶³. Увы, XVI в. и начало следующего занимают в этой книге совсем немного места (по сравнению с числом страниц, отведенных под описание стрельцов и их жизни в XVII столетии).

В начале нынешнего века вышло еще несколько исследований, касающихся так или иначе истории стрельцов и их предшественников пищальников. Прежде всего это небольшой цикл статей о пищальниках за авторством И. Пахомова (к, сожалению, незавершенный), опубликованных в уже упоминавшемся нами журнале «Цейхгауз»⁶⁴. По времени это самая свежая и наиболее полная работа, касающаяся истории пищальников как пехоты, вооруженной огнестрельным оружием. В рамках проекта, посвященного 455-летию начала Ливонской войны, на страницах сетевого электронного военно-исторического журнала «История военного дела: исследования и источники»⁶⁵ был подготовлен специальный выпуск «Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской

⁶⁰ Паласиос-Фернандес Р. «Неприменные войска» русского государства XVII в. Московские стрельцы // Цейхгауз. 1991. № 1. С. 8–15.

⁶¹ См., например: Курбатов О.А. Военная история русской Смуты XVII века. М., 2014, в которой есть страницы, посвященные стрелецкому войску.

⁶² См.: Волков В.А. Войны и войска Московского государства. М., 2004. С. 341–357. Дополненные и расширенные ее переиздания (Волков В.А. Под стягом Москвы. Войны и рати Ивана III и Василия III. М., 2016; его же. Войско грозного царя. Т. 1–2, М., 2016; его же. Русская рать: испытание Смутой. Мятужи и битвы нач. XVII столетия. М., 2017) не несут в себе принципиально ничего нового.

⁶³ Романов М.Ю. Стрельцы московские. М., 2004.

⁶⁴ Пахомов И. Пищальники Василия III // Цейхгауз. 2002. № 4 (20). С. 6–9; его же. Пищальники Василия III. Участие в боевых действиях // Цейхгауз. 2007. № 24. С. 2–4.

⁶⁵ Адрес официального сайта издания: <http://www.milhist.info> (дата последнего обращения 23.06.2018 г.).

войны»⁶⁶. Как следует из его названия, этот выпуск журнала целиком и полностью был посвящен войску Ивана Грозного и русскому военному делу 2-й половины XVI в. Естественно, в нем была и статья, посвященная стрелецкому войску, за авторством воронежского историка В.Н. Глазьева⁶⁷. В 2017 г. вышла книга автора этих строк, посвященная «центурионам» Ивана Грозного – среднему командному составу русского войска 50-х – начала 80-х гг. XVI в.⁶⁸ Четыре из пяти помещенных в ней биографических очерков о начальных людях русского войска как раз о тех, которые начинали свою служилую карьеру как стрелецкие головы. Естественно, что на ее страницах нашли отражение отдельные эпизоды боевой деятельности стрельцов в войнах Русского государства в эпоху Ивана Грозного. Из другого исследования, «Очерки истории Ливонской войны», можно узнать об участии стрельцов в походах русского войска в Ливонию в 1558–1560 гг.⁶⁹

В общем, подводя общий итог изучения истории стрелецкого войска и его предшественников пищальников в XVI – начале XVII вв., отметим, что предыдущими поколениями историков была проделана большая работа по сбору и анализу первичной информации и выстраиванию более или менее непротиворечивой картины ранней истории стрелецкого войска и вообще русской пехоты на заре раннего Нового времени. Однако сведения эти и отдельные сюжеты разбросаны во множестве изданий, а имеющиеся очерки дают лишь самый общий абрис истории стрельцов в это время. Между тем имеющиеся в нашем распоряжении первоисточники позволяют составить более полное представление о генезисе стрельцов и основных проблемах их истории, военной, социальной и пр. Отсутствие такого исследования применительно к этому периоду и наличие определенного общественного интереса к той странице истории русского военного дела и обусловили наше обращение к данной теме.

⁶⁶ Материалы выпуска вышли отдельной книгой. См.: Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного. Материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. СПб., 2015.

⁶⁷ См.: Глазьев В.Н. Стрельцы и их начальники // Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного. Материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. С. 188–202.

⁶⁸ Пенской В.В. «Центурионы» Ивана Грозного. Воеводы и головы московского войска второй половины XVI в. М., 2017.

⁶⁹ Пенской В.В. Очерки истории Ливонской войны. От Нарвы до Феллина. 1558–1561 гг. М., 2017.

Источники

Сведения о ранней истории стрельцов, к сожалению, не так обильны, как о стрельцах 2-й четверти и 2-й половины XVII в. (почему и получилось так, что, как уже было отмечено выше, мы судим о стрельцах XVI в. на основании данных следующего столетия). Они разбросаны отдельными блоками по нарративным памятникам XVI – начала XVII в., включающим в себя, с одной стороны, русские летописи, а с другой – сочинения иностранцев, лично побывавших в России и лицезревших стрельцов и пищальников воочию либо добросовестно (или не очень) собравших и переложивших на бумагу сведения, собранные из вторых-третьих рук. Другую группу памятников составляют актовые материалы, пусть и немногочисленные, но тем не менее позволяющие добавить красок в картину, которая вырисовывается при сопоставлении сведений из нарративных памятников. Особняком стоят разрядные записи, которые также содержат в себе сведения о численности стрелецкого войска и его тактике. В целом имеющиеся в нашем распоряжении материалы, на наш взгляд, могут считаться достаточными, чтобы составить более или менее целостную картину истории стрелецкого войска, но требуют тщательного и аккуратного, с учетом их, источников, своеобразия, анализа.

Краткий обзор и характеристику источников мы начнем, пожалуй, со свидетельств, что оставили нам иностранные дипломаты, купцы, авантюристы и искатели приключений, поток которых, начавшись в конце XV в., в последующие десятилетия и столетия только нарастал. В результате сформировался обширный пласт исторического нарратива, *Rossica*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.